

Глава 14: Поимка вора

—

Чжан Фаньюань, услышав шум, понял, что дело плохо, поспешно накинул одежду, вышел из внутренней комнаты, прошёл через главный зал и открыл большие ворота. С гулом холодный ветер ворвался в дом, принеся с собой и мелкие капли дождя.

Не обращая внимания на холод, даже не надев шляпу, он вышел под дождь прямо во двор.

— Негодяй! Я тебя вижу, остановись!

Медные гонги громыхали в проливном дожде. Чжан Фаньюань был не единственным, кто слышал этот шум, во многих домах в деревне в густых сумерках один за другим зажглись огни, раздавались звуки открывающихся дверей.

Чжан Фаньюань посчитал голос кричавшего знакомым, но в сильный дождь факелы не зажжёшь, и в темноте невозможно было разглядеть человека.

Зато грохот гонгов приближался к нему, а с ним доносились и рыдания:

— Фаньюань, быстрее, догони! Воры в дом забрались!

Чжан Фаньюань нахмурился:

— Старший дядя?

— Быстрее, быстрее!

Чжан Шисинь, неся медный гонг, добежал до двора Чжан Фаньюаня и не переставал ругался. Наверное, бежал за воров, не зная, сколько раз падал, весь был в грязи.

Услышав это, Чжан Фаньюань подумал, что дело и правда интересное. Он скрестил руки на груди:

— Старший дядя, ночью не спишь, вора ловишь? Может, ошибаешься?

Чжан Шисинь запрыгал от злости:

— Во всём можно ошибиться, но в этом — как?

— У тебя ноги быстрые, скорее догони для дяди! Утащил большой кусок мяса, если бы я ночью не вышел и не спугнул, всё мясо от сегодняшней свиньи наверняка украли бы, а сейчас ещё перед домом валяется.

Чжан Фаньюань спросил:

— А видел, кто?

— В темноте где разглядишь? Как только тот мерзавец услышал звук, схватил кусок мяса и выскочил. Это был мужчина.

Хотя события сегодняшнего дня и задела Чжан Фаньюаня за живое, но если в деревне завёлся вор, это касалось не одной семьи. Сегодня повезло, не украли у него, но неизвестно, завтра не

пропадёт ли что-то у него самого. В деле с ворами деревенские были едины, Чжан Фаньюань не исключение.

Общие интересы важнее. Он нахмурился:

— В какую сторону побежал?

Чжан Шисинь поспешно указал вперёд. Чжан Фаньюань больше не говорил, бросился бежать в ту сторону.

Дождливая ночь — не лучшее время для погони. Но Чжан Фаньюань был коренным жителем этой земли, знал каждую тропинку и каждый холм, мог пройти с закрытыми глазами.

Теперь, услышав слово «вор», он невольно думал о той семье на границе. Проливной дождь, темно, следов не найти, ему оставалось только интуитивно бежать по дороге к границе. Не думал, что здесь действительно найдёт следы вора.

Чжан Фаньюань наступил на глубокий след в грязи, побежал дальше и скоро в дожде увидел тёмную фигуру, мечущуюся в панике вперёд. Не говоря ни слова, он несколькими прыжками догнал того, повалил на землю и прижал.

С плеском тот мужчина, получив сильный испуг — будто на него напал большой чёрный медведь, — прямо шлёпнулся в лужу, и даже большой кусок мяса, который он держал, вылетел из рук.

— Смелый, однако, в деревне мясо воровать!

Мужчина захлебнулся водой, мясо выпало, но руки освободились. В панике, не думая ни о чём, он прямо из-за пояса выхватил серп, повернулся и рубанул по человеку сзади.

В ночи Чжан Фаньюань тоже не разглядел, что у того есть нож, только почувствовал, что тот атакует. Мелькнул холодный блеск, и серп разрезал ему ладонь.

Чжан Фаньюань нахмурился, отпрыгнул назад, уклоняясь от беспорядочных ударов серпом полулежавшего на земле мужчины, изо всех сил наступил на его лодыжку. Раздался хруст, мужчина испустил пронзительный крик, рука ослабела. Чжан Фаньюань, воспользовавшись моментом, вырвал серп и крепко скрутил тому обе руки за спиной.

— Поймали, Чжан Фаньюань вора поймал!

Жители деревни, надев плащи и шляпы и услышав крики, радостно поспешили на звук. Чжан Шисинь, услышав, ещё больше обрадовался и прямо на меже снова забил в гонг:

— Поймали!

Некоторые жители, обмазав деревяшки горючим маслом и взяв зонты, принесли факелы и осветили вора:

— В нашей деревне Цзицзю много лет воров не было, посмотрим, какой же мерзавец так бессовестен!

Когда факелы осветили лежавшего на земле мужчину, окружившие жители замерли, сразу же замолчали, все неловко отвели взгляды в сторону.

Дождь струился по людям. Чжан Шисинь поспешил подойти:

— Кто это, кто? Обязательно отправим в управу!

Чжан Шисинь протиснулся сквозь толпу, увидел, кто это, и его грозные слова, будто внезапно оборванный воздушный змей, застряли в горле.

Чжан Фаньюань, увидев выражение лиц всех, усмехнулся, взял у подбежавшего Чэнь Сы верёвку толщиной с палец и крепко связал мужчину.

Он пнул того ногой:

— Уже в горах тебя проучил, в семье Гуан снова предупредил. Видно, ваша семья неисправима, вам на роду написано этим заниматься.

Чжан Шисинь вытер лицо:

— Гуан Эр, я же сегодня пригласил твою мать помочь, а ты ночью приходишь воровать! Совсем бессовестный! Отведём в деревенское собрание, пусть староста решит, как наказать. Это дело нельзя так просто оставить.

Гуан Эр уже был оглушён ударами Чжан Фаньюаня, голова затуманена, он только повторял «пощадите».

Чжан Шисинь побежал подобрать своё мясо. Жители деревни окружили Гуан Эра и повели в деревенскую ратушу, где проводили собрания. Несколько человек отправились к семье Гуан звать супругов Гуан выслушать решение.

Всю вторую половину ночи вся деревня не спала, все бурно направлялись в деревенскую ратушу. Дело громкое, в деревне появился вор и его поймали, все хотели посмотреть.

В ратуше зажгли факелы, ярко освещая помещение. Гуан Эр, связанный, валялся внутри, зал был заполнен жителями. По дороге к собранию непрерывно шли люди с зонтами и соломенными шляпами, женщины указывали пальцами и обсуждали, шум стоял невероятный.

Жители только днём радостно поели супа из свежего мяса у старшего Чжана, а ночью у того ограбили дом, и вор оказался из семьи Гуан. Все не могли удержаться от изумления.

Вспоминая, как Хэ-ши с неловким видом говорила, что у семьи Гуан руки загребушие, а им не верили, все говорили, что та защищает Чжан Фаньюаня, и только один Сюй Хэ выступил в защиту, всем стало жарко от стыда, никто не решался упоминать прошлое.

— У семьи Гуан действительно смелость. Та женщина из Гуан пришла разведать, присмотрела вещи, изучила дом, воспользовалась тем, что семья старшего Чжана целый день работала, мужчины выпили и крепко спят, а ночью пошёл дождь, и полезли в дом воровать мясо. Хитрые.

— По-моему, староста раньше не должен был соглашаться, чтобы семья Гуан переехала в нашу деревню, напрасно беду нажили.

— Наверное, те куры и утки, что у меня пропали, — семья Гуан украла.

— Конечно. Вспоминая, с тех пор как семья Гуан въехала в нашу деревню, постоянно что-то пропадало. Все друг другу или родственники, или через одного знакомые, кто подумает на вора? Слишком беспечны.

Чжан Фаньюань прислонился к косяку боковой двери, весь промокший от дождя. Он приподнял веки, немного отрешённо глядя на непрерывно входящих людей, шумно обсуждавших произошедшее. Вдруг его слегка ткнули в бок. Он обернулся и увидел, что Сюй Хэ тоже пришёл, неизвестно когда.

Он ещё не успел заговорить, как гер уже повернулся и ушёл в другую сторону. Чжан Фаньюань огляделся — никто не смотрит — и последовал за ним.

Сюй Хэ стоял под маленьким навесом позади ратуши. Через некоторое время он увидел, как подошёл Чжан Фаньюань и спросил:

— Ты тоже пришёл посмотреть на шум?

Сюй Хэ не ответил, сначала достал из своего рукава платок и протянул Чжан Фаньюаню, взглянув на его большую опущенную руку.

Только тогда Чжан Фаньюань заметил, что когда он хватал Гуан Эра, тот порезал ему руку серпом, на левой ладони кожа порвана, кровь запеклась на ране. Он обмотал платок Сюй Хэ вокруг раны, сделал два оборота, но рука большая, неуклюжая, завязать не получалось, и он мог только бросить умоляющий взгляд на человека рядом.

Сюй Хэ, казалось, едва заметно вздохнул, подошёл, взял его ладонь, и его длинные тонкие пальцы, недаром умевшие плести изящные вещи, за пару движений завязали короткий платок не туго и не слабо.

Чжан Фаньюань, опустив взгляд, мог видеть человека, сосредоточенно делающего перевязку. Хотя лицо у Сюй Хэ было загорелым и тёмным, вблизи видно: глаза большие и яркие, ресницы густые, нос прямой, черты лица необычайно правильные.

Сюй Хэ, сделав, что хотел, не стал медлить:

— Повсюду люди, я пойду внутрь.

Чжан Фаньюань глупо кивнул, наблюдая, как фигура Сюй Хэ исчезает под карнизом.

Руки мастера Сюй были искусными: не только хорошо перевязали рану, но и согретый теплом тела платок завязал узел в сердце. Чжан Фаньюань провёл подушечкой пальца по платку и осторожно спрятал руку вместе с платком в рукав.

— Вы, вы как можете так жестоко обращаться. Лаоэр, с тобой всё в порядке, сын мой!

Когда Чжан Фаньюань вернулся в дом, супруги Гуан уже пришли. Один понуро опустил голову, другая ворвалась внутрь, обняла лежавшего на земле Гуан Эра, связанного, как цзунцзы, и бесстыдно зарыдала.

Староста тоже пришёл в толстом плаще вершить правосудие.

— Когда вы, супруги, привели своих детей в нашу деревню Цзицзю, просили меня, говорили, будете честно жить и работать, распахивать пустырь на границе под посевы. Я, старик, видя вашу искренность, внёс вас в деревенский реестр, ещё сходил в город, доложил управлению.

— А теперь прошло несколько лет, не говоря уже о том, что пустырь на границе ваша семья так и не распахала, так вы ещё занимаетесь такими грязными делами, воруете у деревенских. Я

оставил вас не для того, чтобы вы приносили деревне беды! Сейчас и свидетели, и вещественные доказательства налицо, говорить не о чем. Завтра на рассвете — в управу.

Жители деревни внимательно слушали приговор старосты. Раз решили отправить человека в управу, все были довольны таким результатом.

Но мать Гуан вытянула шею и закричала:

— Почему моего сына в управу! Вещи же целы!

— Поймали с поличным, а ты ещё отпираешься! Совести нет!

Одна женщина не выдержала и выругалась. Сегодня у старшего Чжана притворялась жалкой, а на деле оказалась двуличной, ещё и Чжан Фаньюаня разозлила. Все, кто сегодня заступался за мать Гуан у старшего Чжана, чувствовали сильное отвращение, особенно сам Чжан Да (старший) с женой, очень жалели, что раззявили рот и впустили волка в дом.

Староста, видя, что мать Гуан неисправима, добавил:

— Гуан Эра отправим в управу, а наша деревня не может оставлять таких нераскаявшихся людей. Потом сами решайте, уходить или оставаться.

— У вас в деревне люди бессердечные.

— С самого начала относились к нашей семье как к чужакам!

Мать Гуан ругалась без остановки, никто не обращал внимания на её безумные речи. Беспорядки продолжались час или два посреди ночи, уже почти рассветало, оставили нескольких человек сторожить Гуан Эра.

На рассвете Чжан Шисинь вместе с жителями деревни повели Гуан Эра и супругов Гуан в город, чтобы донести в управу.

Чжан Фаньюань, вернувшись, переоделся, повалился на кровать, какое-то время смотрел на раненую левую руку, не мог удержаться от глупой улыбки, потом накрылся с головой и крепко заснул.

—

<http://bllate.org/book/13886/1265472>